

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.*От т. Ежова*

СЕКРЕТАРЮ Ц.К. ВКП/б/

тов. С Т А Л И Н У.

Направляю Вам протокол допроса от 27-28 января с/г. арестованного Управлением НКВД Каз.ССР ГРОЛЬМАНА М.Г.

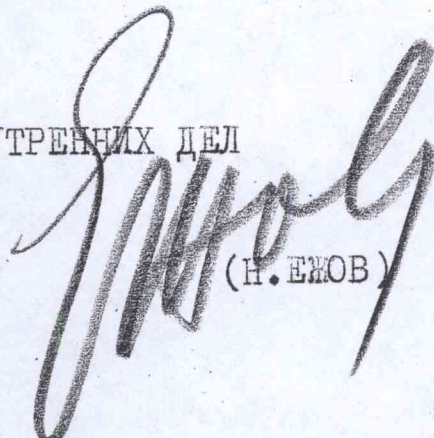
ГРОЛЬМАН участник организации правых с 1925 года показывает о работе правых в секциях Коминтерна.

С 1929 года ГРОЛЬМАН находясь в Западной Сибири вел активную организационную, вредительскую работу и подготовлял террористические кадры.

ГРОЛЬМАН показывает, что в 1935 году он имел в Сталинске встречу с БУХАРИНЫМ. БУХАРИН доказывал ГРОЛЬМАНУ, что "без устранения Сталина любым путем никакого изменения в общей внутренней и международной политике ВКП/б/ ожидать нечего".

Допрос ГРОЛЬМАНА продолжаем.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА С.С.Р.

(Н. ЕЖОВ)

14 " февраля 1937 г.

55792

Г Р О Л Ь М А Н А, Михаила Григорьевича

от 27-28 января 1937 года.

ГРОЛЬМАН М.Г. 1896 года рождения, уроженец гор.Риги, бывший член ВКП/б/ - исключен в 1935 году. С 1917 по 1918 г.г. состоял членом партии меньшевиков. До ареста - начальник Планово-производственного отдела Прибалхашстроя.

Вопрос:- Вы сделали заявление о намерении дать откровенные показания о своей контр-революционной деятельности.

Что вы можете показать?

Ответ:-Я решил дать следствию до конца правдивые показания о моей контр-революционной деятельности, а также о преступной деятельности известных мне лиц.

До последнего времени, т.е. до дня моего ареста, я являлся участником контр-революционной организации правых. На протяжении ряда лет я вел активную контр-революционную борьбу против ВКП/б/ и советского правительства.

Вопрос:- Когда и при каких обстоятельствах вы вступили в контр-революционную организацию правых?

Ответ: - В контрреволюционную организацию правых я вступил в середине 1928 года в Москве. В то время я работал по линии Коминтерна и по роду своей работы большую часть времени находился за границей. В организацию правых я был вовлечен БУХАРИНЫМ Н.И., с которым я был связан по Коминтерновской работе.

К восприятию правых взглядов и активному участию в организационно-практической работе правых, я был подготов-

лен значительно раньше.

Еще с 1923 года (в период моей работы в Коминтерне), после поражения революционного движения в Германии, я полностью солидаризировался с тем из трех существовавших в коммунистической партии Германии течений, которое получило название "МИТТЕЛЬ-ГРУППЕ". Основное ядро этой группы (ЭВЕРТ, МАЙЭР Эрнст, ГЕРХАРД, ЭВЕРЛЕЙН и другие), привлекали мое внимание не только как представители определенного, близкого мне политического направления, но и как мост к группе Брандлеровцев. Я тогда уже в 1924-1925 годах и позже считал, что блок этих групп при отсечении левой группы ТЕЛЬМАНА, должен руководить коммунистической партией Германии. Так как в целом ряде секций Коммунистического интернационала положение было аналогичным, то я в масштабе всего К.И. мыслил по "Германской схеме". Моими единомышленниками в этой области и в то время были: ИДЕЛЬСОН Борис и ЦЕЙТЛИН Ефим (перешедший вместе с БУХАРИНЫМ на постоянную работу в Коммунистический Интернационал в 1926 году).

Мое знакомство и политическое сближение с ЦЕЙТЛИНЫМ Е. привело к тому, что еще до того, как мне стало известно об оформившейся нелегальной организации правых в Советском союзе, я уже фактически по указаниям БУХАРИНА, передаваемым мне через ЦЕЙТЛИНА, начал проводить в Германии активную работу против ВКП/б/ и СТАЛИНА.

Вопрос: - Какую, конкретно, контрреволюционную работу вы проводили в этот период в Германии и в других странах, куда вы выезжали по делам Коминтерна?

Ответ: - В начале 1928 года, находясь в Германии, я занял резко отрицательную позицию против политики ЦК КП Германии в отношении "примиренцев" - бывших членов "МИТТЕЛЬГРУППЫ". Я имел по этому вопросу беседу с ЦЕЙТЛИНЫМ, развивавшим мне положение, исходившее, по его словам, от БУХАРИНА, что речь идет не только о германских примиренцах, но о курсе в Коминтерне в целом, что нужно обеспечить организационное и политическое влияние правых и примиренцев (единомышленников БУХАРИНА), в решающих секциях Ком.Интернационала.

Весною 1928 года в Берлине я встретил ГОЛЬДЕНБЕРГА Э.З., который работал в редакции "Роте-Фане" и выполнял задания К.И. До этого я его не знал. Однако, через несколько дней после нашего знакомства я увидел в нем единомышленника убежденного правого - бухаринца, и, пользуясь своим знанием положения К.П.Германии, быстро договорился с ним о конкретных мероприятиях по закреплению и расширению позиции БУХАРИНА в Германии. Я тогда в Германии пробыл не долго, но за это время весьма интенсивно, вместе с ГОЛЬДЕНБЕРГОМ, и частично с ИДЕЛЬСОНОМ, сколачивал группу примиренцев, поддерживал связи с правыми Брандлеровцами как в Берлине, так и провинциальных парторганизациях. В своих выступлениях на заседаниях руководящих органов в К.П.Германии, и главным образом методами индивидуальной обработки, я всячески дезорганизовывал политику большинства ЦК против правых и примиренцев, вносил колебания в сознание местных работников - сторонников ТЕЛЬМАНА.

Аналогичную работу я проводил в компартиях: Чехии, Австрии

Швейцарии, Норвегии, Швеции и Дании.

В этом же 1928 году, будучи в Москве на 6-м конгрессе, я использовал все имевшиеся у меня связи, и вместе с ИДЕЛЬСОНОМ, ГОЛЬДЕНБЕРГОМ и ЦЕЙТЛИНЫМ - проводил активную контр-революционную работу среди заграничных делегаций конгресса.

Моя активная работа по укреплению влияния правых в Коминтерне, во время работы 6-го конгресса, и до этого в Германии и других странах, - значительно сблизила меня с БУХАРИНЫМ, я начал пользоваться его большим доверием.

Во время конгресса я получил лично от БУХАРИНА инструкции о расширении рамок моей нелегальной деятельности среди представителей заграничных компартий, - внесением русских вопросов. По прямым указаниям БУХАРИНА, я вел среди делегатов конгресса активную деятельность, направленную к дискредитации ЦК ВКП/б/ и лично СТАЛИНА. Я распространял клевету и небылицы о СТАЛИНЕ, обвиняя его в неограниченном диктаторстве и т.п. Материал для клеветнической работы против СТАЛИНА, я черпал из личных разговоров с БУХАРИНЫМ, который в беседах со мной, ЦЕЙТЛИНЫМ и ИДЕЛЬСОНОМ не скупился на похабную клевету и острые эпитеты в отношении СТАЛИНА.

ВОПРОС: - Где и при каких обстоятельствах вы получили от БУХАРИНА указанные выше инструкции?

Ответ: - Мои личные встречи с БУХАРИНЫМ были сравнительно редкие и указания его я обычно получал через ЦЕЙТЛИНА. Однако, не то за день до конгресса, не то в первые дни конгресса, я имел личную встречу с БУХАРИНЫМ в квартире ЦЕЙТЛИНА, проживавшего в гостинице "Люкс". Эта встреча

была устроена ЦЕЙТЛИНЫМ по просьбе БУХАРИНА. Именно в эту встречу я получил впервые непосредственно из уст БУХАРИНА указания о необходимости активизации борьбы против ЦК ВКП/б/ и СТАЛИНА и всяческой дискредитации линии ЦК ВКП/б/ и лично СТАЛИНА.

Вопрос:- Когда точно и от кого вам стало известно о существовании организации правых?

Ответ:- О существовании организации правых и об ее активной борьбе с ЦК ВКП/б/ мне стало известно во время работ 6-го конгресса Коминтерна, в первую очередь лично от БУХАРИНА. БУХАРИН во время указанной выше моей с ним встречи в квартире ЦЕЙТЛИНА, в присутствии последнего, в достаточно откровенной форме говорил мне, что он и его сторонники добиваются изменения линии партии в основных вопросах внутренней и международной политики, что это может быть достигнуто только в результате смены руководства партии и, в первую очередь, отстранения СТАЛИНА от руководства партией. Тогда же мне БУХАРИН сказал, что борьбу с ЦК ВКП/б/ он ведет совместно с РЫКОВЫМ и ТОМСКИМ, что в этой борьбе они не одиноки и пользуются поддержкой "лучших людей в партии". В этой беседе БУХАРИН подчеркнул, что со мною он разговаривает откровенно, зная мое отношение к его позиции и будучи достаточно информирован ЦЕЙТЛИНЫМ о моей активной работе по укреплению влияния правых в Германии.

Этим разговором с БУХАРИНЫМ было положено начало моего активного участия в деятельности контрреволюционной организации правых.

От ЦЕЙТЛИНА я тогда же получил самую подробную информацию о существовании и активной деятельности сколоченной группы углановцев в Москве, о группе правых в ВЦСПС (МЕЛЬНИЧАНСКИЙ, ФИГАТНЕР, ЯГЛОМ, КОЗЕЛЕВ), о группе СЛЕПКОВА - АСТРОВА и других.

Впоследствии я непосредственно близко познакомился с нелегальной работой правых в Москве и сам с головой окунулся в активную контрреволюционную борьбу против партии и советского правительства.

Вопрос: - Что вам известно о контрреволюционной деятельности организации правых после 6-го конгресса Коминтерна? В чем выразалось ваше личное участие в работе организации за время вашего пребывания (в этот период) в Москве?

Ответ: - Я пробыл в Москве до начала 1929 года, т.е. до моего отъезда в новую командировку, по линии Коминтерна за границу. Со времени 6-го конгресса до отъезда за границу я принимал самое активное участие в работе организации правых в Москве, особенно близко связавшись с группой СЛЕПКОВА, нелегальная деятельность которой протекала под непосредственным руководством БУХАРИНА. Я был участником целого ряда нелегальных собраний и совещаний актива организации, принявших в тот период систематический характер.

Эти совещания устраивались чаще всего на квартирах:

МАРЕЦКОГО (Брюсовский переулок), ЦЕЙТЛИНА (гостиница "Люкс"), СЛЕПКОВА (кажется на ул. Огарева, в доме ЦИК), РОЗИТА (Тверская ул.) и др. Можно сказать, что к тому времени определился более или менее постоянный состав этих совещаний: СЛЕПКОВ, ЦЕЙТЛИН, АСТРОВ, ИДЕЛЬСОН, ГОЛЬДЕНБЕРГ, САПОЖНИ-

КОВ, ЛЕВИНА, я - ГРОЛЬМАН, АЛЕКСАНДРОВ, брат СЛЕПКОВА, брат МАРЕЦКОГО, ЗАЙЦЕВ, РАДИН, АЙХЕНВАЛЬД, КУЗЬМИН, ЯГЛОМ, РОЗИТ и другие.

Первый раз я участвовал на таком совещании на даче СЛЕПКОВА. Это было не то в дни работы 6-го конгресса Коминтера, не то сразу по его окончании.

Всего на этом совещании присутствовало человек 12-15 представителей актива организации правых: СЛЕПКОВ, АСТРОВ, МАРЕЦКИЙ, братья МАРЕЦКОГО и СЛЕПКОВА, ГОЛЬДЕНБЕРГ, ИДЕЛЬСОН, РОЗИТ, я - ГРОЛЬМАН и другие (в данную минуту всех не могу вспомнить). Это совещание в основном было посвящено моей информации, о моей и ИДЕЛЬСОНА работе среди делегатов 6-го конгресса. Участники совещания одобрили мою работу.

Выступавший после меня СЛЕПКОВ указал на необходимость более резко ставить вопрос об отстранении СТАЛИНА от руководства Коммунистическим Интернационалом.

СЛЕПКОВ и другие выступавшие на совещании особо подчеркивали, что главенствующими стали вопросы борьбы с ВКП/б/, а не международные. Уже на этом нелегальном совещании я почувствовал ту острую ненависть, которая уже тогда существовала в среде правых по отношению к СТАЛИНУ. Выступление СЛЕПКОВА было пересыпано остранными выпадами и грубой клеветой против СТАЛИНА, его выступление дышало явным терроризмом по отношению к СТАЛИНУ и его ближайшим соратникам, особенно МОЛОТОВУ и КАГАНОВИЧУ. На этом совещании мне стало понятно, что эта ненависть к СТАЛИНУ имеет своим источником не только БУХАРИНА, но и РЫКОВА и ТОМСКОГО.

В этот период, до моего отъезда за границу, я имел еще несколько встреч с БУХАРИНЫМ.

Во время одной из встреч с БУХАРИНЫМ, в конце 1928 г., он мне заявил: "В борьбе против ТРОЦКОГО мы явно переборщили, теперь это в расширенном виде СТАЛИН пускает против нас". Из этой и других встреч с БУХАРИНЫМ, а также из моих разговоров с другими правыми - близкими к БУХАРИНУ (СЛЕПКОВ, АСТРОВ, ЦЕЙТЛИН) - совершенно очевидно вытекало, что организация правых определенно осудила свою борьбу против троцкизма. На почве жуткой ненависти к СТАЛИНУ, уже тогда в речах правых и самого БУХАРИНА звучали нотки о необходимости об"единенных с троцкистами атак против партии.

Вопрос:- Вы показали, что в самом начале, чуть ли не в первые дни вашего активного участия в нелегальной работе правых, в вашем присутствии имели место террористические проявления со стороны участников организации.

Требуем от вас более конкретных показаний о всех известных вам террористических проявлениях со стороны правых и о вашем личном отношении к террору.

Ответ:- Я затрудняюсь точно перечислить все случаи, когда выступления известных мне членов контрреволюционной организации правых, содержали террористические проявления против СТАЛИНА и других руководителей ВКП/б/ и правительства.

Особенно озлобленно и явно террористически настроен был КУЗЬМИН.

Помню, в один из моих приходов к МАРЕЦКОМУ, у него на

на квартире, где находились в этот момент: РАДИН, сам МА-РЕЦКИЙ, СЛЕПКОВ и я - ГРОЛЬМАН, после откровенных разгово-ров о необходимости "убрать из ЦК СТАЛИНА любой ценой" - РАДИН высказал следующую "остроту", что "после того, как убе-рут СТАЛИНА нужно издать манифест, первый пункт которого должен гласить: "Всем разрешается вздохнуть свободно".

Дальнейший наш разговор уже происходил вокруг этой за-дачи - "убрать СТАЛИНА".

После этого разговора у меня уже не было никаких сомне-ний, что в арсенале правых, в борьбе против ЦК ВКП/б/, - определенное место занимает индивидуальный террор против руководителей партии и советского правительства.

Вообще-же подогревание острой звериной злобы против СТАЛИНА было в нашей среде систематическим явлением.

Я не представлял исключения в этом вопросе и полностью разделял взгляды других участников организации, считал, что в обостряющейся борьбе за власть не следует гнущаться ни-какими средствами.

Вопрос: - Получили ли вы какие-либо задание от органи-зации правых в связи с вашим отъездом за границу в 1929 году?

Ответ: - Да, перед своим отъездом за границу, в начале 1929 года я имел специальное свидание с БУХАРИНЫМ, во время которого получил от него указания о моей контрреволюцион-ной работе за границей.

БУХАРИН предложил мне лично посетить: ЭВЕРТА, МАЙЭРА Эрнста, ГЕРХАРДА, ЭБЕРЛЕЙНА в Германии, ВЕЛЬТИ в Швейцарии, ДОРИКО и КАШЕНА во Франции и ЛОВСТОНА в Америке. Это я

выполнил в отношении перечисленных лиц, кроме французов и ЛОВСТРОНА. Я информировал их о положении в ВКП и Коминтерне, передал директиву БУХАРИНА - ни в коем случае не прекращать борьбы против большинства центральных комитетов соответствующих компартий, поддерживать регулярную связь с центром правых в СССР, вербовать сторонников, выпускать фракционную литературу и т.д. Согласно указаний БУХАРИНА, я им раз"яснял, что борьба в ВКП идет за руководство, что в связи с политикой СТАЛИНА, возможны восстания крестьян в СССР, которые будут носить революционный характер, что при раз"яснении этих событий (крестьянские восстания в СССР) своим единомышленникам и др. членам компартий, нужно подчеркивать их революционный характер, что исходя из этого, нужно громить политику СТАЛИНА на Западе. Я всячески доказывал, что самой большой опасностью является сталинский внутрипартийный режим единоличной диктатуры, попирающей демократию и уничтожающий профсоюзы, которые теперь не могут защищать интересы масс, будучи от них оторванными, что вследствие этого в Советском Союзе неизбежны забастовки и выступления рабочих стихийного характера, которые надо расценивать как явления положительные, понятные для западных рабочих, исполненных демократическими иллюзиями.

Я признаю, что эти установки, полученные мною от БУХАРИНА, в частности его ставку на кулацкие восстания и неорганизованные выступления отсталых рабочих против Советской власти, - я активно пропагандировал среди членов западных компартий.

Вопрос: - Когда и где происходила ваша встреча с БУХА-

РИНЫМ перед вашим отъездом за границу (в начале 1929 года)?

Ответ: - Моя встреча с БУХАРИНЫМ, перед отъездом за границу в 1929 году, и дача мне им указанных инструкций происходила в квартире ЦЕЙТЛИНА в Москве (гостиница "Люкс").

Во время всего этого моего разговора с БУХАРИНЫМ присутствовали и ЦЕЙТЛИН, принимавший живое участие в обсуждении всех вопросов, косавшихся моей работы за границей.

Вопрос: - Когда вы вернулись из этой вашей поездки за границу?

Ответ: - В СССР я вернулся в середине ноября 1929 года, по срочному вызову Коминтерна.

Вопрос: - В связи с чем вы были срочно отозваны из Германии?

Ответ: - Я был отозван из-за границы в связи с перехваченным письмом, исходящим от меня к ГОЛЬДЕНБЕРГУ, в котором содержалась информация о моей контрреволюционной работе в Германии.

Вопрос: - О каком письме вы говорите, каким образом вы его послали?

Ответ: - Находясь в Берлине, в оттуда послал письмо в Москву в адрес ГОЛЬДЕНБЕРГА, с информацией о моей работе по укреплению влияния правых в германской компартии и их борьбе с большинством ЦК К.П.Германии.

В этом письме фамилии руководителей правых были зашифрованы кличками, однако, характер письма был совершенно ясен.

Это письмо было мною послано оказией (через германского

правого - работника кооперативной секции ЦК КП Германии по фамилии, кажется, КРАУЗЕ) и предназначалось к распространению среди актива правых в Москве.

Неизвестным мне путем, об этом письме стало известно парторганизации Коминтерна и в связи с этим я был вызван в Москву для дачи объяснений.

Это совпало со временем чистки партии 1929 года. Первичной комиссией по чистке я был исключен из ВКП/б/, однако, районная комиссия (Хамовнический район) это решение отменила, ограничившись объяснением мне строгого выговора.

Мне на этот раз удалось удержаться в партии благодаря тому, что я был во время предупрежден ЦЕЙТЛИНЫМ о необходимости подачи маневренного заявления о капитуляции.

Вопрос: - Как объяснил и в какой форме поставил перед вами ЦЕЙТЛИН вопрос о необходимости подачи двуручнического заявления об отходе от правых?

Ответ: - Буквально на следующий день после моего приезда из Германии в Москву, ЦЕЙТЛИН меня разыскал и передал категорическую директиву БУХАРИНА - немедленно подать заявление о капитуляции.

ЦЕЙТЛИН мне тут-же прямо сказал, что это решение нелегального центра правых относится не только ко мне, но ко всем правым, независимо от того, прошли они или не прошли чистку. ЦЕЙТЛИН мне объяснил, что это общая линия организации и диктуется мотивами сохранения во чтобы то ни стало кадров правых в партии для дальнейшей борьбы в новых условиях.

Иначе, говорил ЦЕЙТЛИН, всех правых исключат из партии и кадры будут уничтожены.

По словам ЦЕЙТЛИНА, БУХАРИН считал возможным, чтобы я на чистке рассказал о своих открытых выступлениях в пользу правых, но отрицать наличие центра, руководящей роли БУХАРИНА, а главное его личные установки. Я понял, что он имеет ввиду ставку БУХАРИНА на антисоветские выступления рабочих и крестьян.

Эту двурушническую директиву во время чистки я выполнил, отрицал факт получения мною от БУХАРИНА личных директив, в том числе и только что упомянутой.

После чистки партии я имел беседу с ЦЕЙТЛИНЫМ о моей дальнейшей работе. У меня было предложение ЛОЗОВСКОГО -остаться на профинтерновской работе. ЦЕЙТЛИН мне посоветовал уехать в провинцию, что, по его словам, по согласованию с нелегальным центром было сделано многими правыми.

Через день мне ЦЕЙТЛИН передал, что БУХАРИН считает целесообразным, чтобы я определился на работу в Зап.Сибирь, на одну из ответственных промышленных новостроек. Передавая это указание БУХАРИНА, ЦЕЙТЛИН мне тут же добавил, что центр правых рассчитывает в Зап.Сибири использовать меня шире в целях организации.

Вопрос:- О какой борьбе правых с партией "в новых условиях" вам говорил ЦЕЙТЛИН?

Ответ:- Речь шла о перестройке всей нашей организации снизу доверху, для более активной борьбы с партией в нелегальных условиях.

Вся дальнейшая деятельность организации правых, и моя

личная контрреволюционная работа в Западной Сибири, протекала уже в обстановке глубокой конспирации и носила еще более ожесточенный характер.

Вопрос: - Какие директивы вы получили от центра правых, от кого персонально перед своим отъездом на работу в Зап. Сибирь?

Ответ: - Перед самым отъездом я с БУХАРИНЫМ не виделся. Накануне отъезда я имел встречу с ЦЕЙТЛИНЫМ, который мне заявил, что БУХАРИН, РЫКОВ, ТОМСКИЙ основной задачей организации на ближайшее время считают: сохранение и сколачивание кадров, которые всеми силами, методами двурушничества и обмана, должны удержаться в партии, быть между собой связанными и проводить линию центра правых, которая для меня, как едущего на работу на новостройку тяжелой промышленности заключается в том, чтобы воспрепятствовать успешному сооружению новых индустриальных гигантов - свидетельство торжества политики СТАЛИНА и банкротства правых. Нужно, сказал ЦЕЙТЛИН, на деле быть сторонником "потухающей кривой и замедленных темпов развития тяжелой индустрии". Нужно на деле на своем участке сдерживать "развернутое социалистическое наступление по всему фронту".

Когда я спросил, считает ли БУХАРИН правильной эту линию и тогда, когда она навредит в практической работе, ЦЕЙТЛИН мне заявил, что эти основные установки центра правых, не взирая на практические результаты при проведении их в жизнь, должны быть претворены в дело. Я принял эти директивы к исполнению.

Недолго проработав на Сибкомбайне (на профсоюзной рабо-

те), я, используя свое давнишнее знакомство с тогдашним секретарем Сталинской (Кузнецк) парторганизации СТАНИНЫМ, перешел на работу на Кузнецкстрой в октябре 1930 года.

Вопрос: Оказывая Вам содействие в переходе на работу на Кузнецкстрой, знал ли секретарь Сталинской парторганизации СТАНИН о Вашей принадлежности к контр-революционной организации правых?

Ответ:- Нет. О моей контрреволюционной работе СТАНИН ничего не знал.

Вопрос: Дайте показания о Вашей контрреволюционной работе в Сталинске.

Ответ:- В Сталинске я проработал с октября 1930 года до ноября 1935 года вначале (в течение нескольких месяцев) пом. нач. строительства по труду и зам. гл. строителя, а затем, все остальное время, в качестве нач. железно-дорожного транспорта и заместителя директора Кузнецкого металлургического комбината.

В Сталинске я уже застал работавшего там в качестве Нач. Планового упр. строительства ГОЛЬДЕНБЕРГА Э.З., с которым я немедленно по прибытии договорился о совместном развертывании контрреволюционной подрывной работы на строительстве в духе установок нелегального центра правых. Примерно весной 1931 г. прибыла в Сталинск на работу группа правых из Пром-академии: ХАХАРЕВ, ЛЕВОЧКИН и НЕСТЕРЕНКО. Все они были в Сталинске назначены на ответственные адм.хоз.должности. Со слов ХАХАРЕВА мне известно, что он и его товарищи, в Москве, являлись активными участниками организации правых и были

связаны с УГЛАНОВЫМ. У ХАХАРЕВА, по его словам, были особенно близкие отношения с УГЛАНОВЫМ. Все они трое были крайне непримиримо настроены по отношению к СТАЛИНУ. ХАХАРЕВ выделялся своей озлобленностью и готовностью к решительной борьбе с ЦК ВКП/б/. Я и ГОЛЬДЕНБЕРГ в очень короткий срок договорились с ХАХАРЕВЫМ и его товарищами относительно совместной вредительской деятельности на строительстве.

Таким образом, в Сталинске, начиная с весны 1931 года, сформировалась нелегальная группа правых, в которой наиболее активными были: ГОЛЬДЕНБЕРГ, ХАХАРЕВ и я. Дабы не быть заподозренными со стороны парторганизации, мы условились вести себя так, чтобы не давать повода обвинить нас в группировании, мы держались отдельно, ГОЛЬДЕНБЕРГ и я, отдельно промакадемисты. Должен сказать, что эта тактика имела успех и позволяла проводить общие контрреволюционные установки центра правых.

В практической вредительской работе наше внимание было сосредоточено на компрометации быстрых темпов, строительства. Например, ГОЛЬДЕНБЕРГ, руководя планированием, проводил так называемые волевые планы. Они заключались в том, чтобы заранее, зная безусловное отсутствие материального и людского обеспечения планов, такие планы предлагать к исполнению, сроки ставить утопические и т.д. Этими "волевыми планами" безусловно компрометировались стремительные темпы строительства, а так как исполнители этих "планов" и "сроков" не верили в них, считая их нереальными, то этим

самым и создавалась благоприятная почва для успешности нашей контрреволюционной работы.

ГОЛЬДЕНБЕРГ, будучи позже переброшен на строительство ТЭЦ, пытался компрометировать быстрые темпы по иному. Имея определенный срок пуска 1-й турбины ТЭЦ, он взял курс не на выполнение проекта, а на сооружение временки, которая в лучшем случае могла проработать несколько дней, но за этот срок, бесспорно, способствовала-бы нам - правым в деле подрыва доверия к генеральной линии партии. Что касается меня, то я полученную через ЦЕЙТЛИНА директиву центра осуществлял на практике тем, что работая на транспорте, делал все от меня, в этих условиях, зависящее, чтобы сорвать строительство новых путей, соглашался принимать недостроенные пути, чем вызывались частые аварии, не ставил вопроса о сооружении постоянного депо, вагонных мастерских, служебных помещений, что особенно ударяло по транспорту зимой, саботировал механизацию разгрузки, что вызывало огромные перерасходы и т.д. Все это вместе взятое значительно задержало темпы развития транспорта, стало быть вызывало его отставание по сравнению с ходом стройки и не могло не принести вреда ей и торможения ее темпов.

ХАХАРЕВ, будучи начальником подсобных предприятий, срывал развитие и механизацию подсобных производств, особенно карьеров, являвшихся единственными источниками местных стройматериалов и т.д.

Такого-же характера вредительскую деятельность проводили ЛЕВОЧКИН и НЕСТЕРЕНКО, каждый на своем участке работы.

Вопрос: Следствие вернется к Вашей и связанных с Вами лиц вредительской деятельности в Сталинске.

Пока дайте показания о Вашей организационной связи, в этот период, с нелегальным центром правых и о полученных Вами новых директивах этого центра.

Ответ: - Приезжавшие по разным делам в Сталинск: ЦЕЙТЛИН в 1931 г. (в конце) и МАРЕЦКИЙ в 1932 году, - имели специальное поручение БУХАРИНА - поставить меня и ГОЛЬДЕНБЕРГА в известность о новых установках центра правых и получить от нас информацию о нашей контрреволюционной деятельности в Сталинске.

Информация ЦЕЙТЛИНА и МАРЕЦКОГО (каждого в отдельности) в основном сводилась к тому, что нелегальный центр в составе: БУХАРИНА, РЫКОВА и ТОМСКОГО - продолжает существовать и активно действовать; что основные установки 1929-1930 г.г. действительно, что нужно беречь кадры и организовываться. Новые веяния в организации правых заключались в том, что центр начинает менять свое отношение к троцкистам и зиновьевцам и предлагает всем участникам организации, на основе правых установок, устанавливать контакт и связь с местными троцкистами. Эта директива нами уже выполнялась и до этого времени. В частности ХАХАРЕВ и ЛЕВОЧКИН, а также я и ГОЛЬДЕНБЕРГ установили личный контакт с существовавшей в Сталинске контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группой ТАРАСОВА.

Эта группа была весьма агрессивно настроена против партии и СТАЛИНА. ТАРАСОВ (муж дочери ЕВДОКИМОВА), работая пом. нач. цеха, в провокационных целях пренебрегая бытовыми усло-

виями рабочих, вызывал этим самым серьезные недовольства, вел контрреволюционную агитацию, расхваливал ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, ЕВДОКИМОВА и яростно нападал на СТАЛИНА. Его приближенным был ШАДРИН, ведший вредительскую работу на тепло-электроцентрали, начальником коей он был, выводя из строя котлы, ставя этим самым неоднократно под угрозу строительство.

Вопрос: Уточните Ваши показания о троцкистско-зиновьевской группе ТАРАСОВА, ее составе, деятельности и характере Вашей связи с этой группой.

Ответ:- На Кузнецкстрое работала целая группа (примерно 12-13 человек), прибывших из Москвы и Ленинграда троцкистов и зиновьевцев. Все эти лица были тесно между собой связаны и группировались вокруг указанного ТАРАСОВА, являвшегося их вожаком. ТАРАСОВ - активный зиновьевец, бывший комсомольский работник.

Мне известно, что эта троцкистско-зиновьевская группа проводила активную подрывную деятельность на Кузнецкстрое, каждый на своем участке работы, и занималась систематически троцкистской агитацией среди рабочих. Лично ТАРАСОВ, ЛЕСКОВ, НАРЫКОВ и др. лица, примыкавшие к этой группе, высказывали явные террористические намерения в отношении СТАЛИНА.

Я, ГОЛЬДЕНБЕРГ и ХАХАРЕВ были посвящены в контрреволюционную деятельность группы ТАРАСОВА, участвовали в совещаниях членов этой группы и оказывали известное влияние в направлении активизации их контрреволюционной деятельности.

Приблизительно в начале 1935 года группа ТАРАСОВА была органами НКВД раскрыта и все ее участники арестованы и осуждены.

Вопрос: Таким образом следует констатировать существование прямого контакта и организационной связи между нелегальной группой правых, возглавлявшейся Вами, ГОЛЬДЕНБЕРГОМ и ХАХАРЕВЫМ и троцкистско-зиновьевской группой ТАРАСОВА-НАРЫКОВА.

Так ли это?

Ответ: - Да, признаю, что еще до приезда в Сталинск ЦЕЙТЛИНА и МАРЕЦЮГО, такой контакт между нашей группой (правых) и троцкистско-зиновьевской группой ТАРАСОВА уже существовал, а после получения установки центра правых о совместных контр-революционных выступлениях с троцкистами и зиновьевцами, связь эта с группой ТАРАСОВА еще более укрепилась и привела к фактическому об"единению этих групп на базе совместного контактного проведения вредительской деятельности на Кузнецкстрое, на расширенной основе.

О контактных вредительских действиях я и ГОЛЬДЕНБЕРГ в прямой и конкретной форме договаривались с ТАРАСОВЫМ.

Эта связь с группой ТАРАСОВА после от"езда ХАХАРЕВА (кажется в середине 1932 года), - осуществлялась мною и ГОЛЬДЕНБЕРГОМ, а впоследствии, после от"езда из Сталинска ГОЛЬДЕНБЕРГА (в конце 1933 года), поддерживалась мною до момента ареста ТАРАСОВА и его группы, т.е. до 1935 года.

Вопрос: Что Вам известно о террористической деятельности контрреволюционной группы ТАРАСОВА и др.?

Ответ:- Я уже показал о том, что ТАРАСОВ, НАРЫКОВ и ЛЕСКОВ в разговорах со мной и ГОЛЬДЕНБЕРГОМ, проявляли явно террористические настроения в отношении СТАЛИНА. Факты их практической террористической деятельности мне неизвестны.

Вопрос: Каково было Ваше, ГОЛЬДЕНБЕРГА, ХАХАРЕВА и других участников организации правых, отношение к террору против руководителей ВКП/б/ и Советского правительства?

Ответ:- Чтобы полнее ответить на этот вопрос, я должен сначала сообщить следствию о работе, состоявшейся в 1932 году в Москве, подпольной конференции правых, о которой мне рассказывал ИДЕЛЬСОН.-

Вопрос: Разве Вы лично не присутствовали на этой конференции?

Ответ:- Нет. На этой подпольной конференции я не присутствовал. О работе конференции я знаю со слов ИДЕЛЬСОНА, который лично принимал участие в ее заседаниях.

Вопрос: Вы даете ложные показания?

Следствие располагает показаниями других участников этой подпольной конференции, утверждающих, что и Вы участвовали в заседаниях этой конференции.

Предлагаем Вам дать правдивые показания.

Ответ:- Категорически заявляю, что я лично не участвовал в этой конференции. Я решил искренне и полностью сообщить следствию о всех фактах моей контрреволюционной дея-

тельности и даю правдивые показания и по этому вопросу.

Вопрос: Расскажите все известное Вам об этой нелегальной конференции правых, ее составе, выступлениях, где происходили заседания и т.д.

Ответ:- Со слов ИДЕЛЬСОНА мне известно, что конференция эта происходила в конце августа 1932 года и длилась в течение нескольких дней. Заседания конференции происходили на квартире у МАРЦЮГО (по Брюсовскому пер.) и на квартирах других участников организации. Всего на конференции участвовало 10-15 человек. Состав конференции мне ИДЕЛЬСОН не перечислял. Помню, что он говорил о выступлениях на этой конференции СЛЕПЬКОВА, его - ИДЕЛЬСОНА, КУЗЬМИНА и других. Он - ИДЕЛЬСОН сделал на конференции информацию о положении дел в Коминтерне. С подробным докладом, на конференции, выступал СЛЕПЬКОВ, он говорил о всеобщем недовольстве рабочих и крестьян сталинской политикой индустриализации, коллективизации и ликвидации кулачества как класса, считал необходимым использовать создавшиеся трудности для проведения в жизнь программы правых; он остановился на внутрипартийном режиме, вызвавшем, по его словам, открытые проявления недовольства в ряде партийных организаций; он яростно атаковал СТАЛИНА и подчеркивал, что СТАЛИН является главной помехой проведения платформы правых.

Помню также, что ИДЕЛЬСОН мне говорил, что СЛЕПЬКОВ упоминал о существовании в Москве крепкой группы углановцев, готовой "пойти на все вплоть до самых крайностей". Впоследствии

моя встреча в Москве с ХАХАРЕВЫМ, в конце того-же 1932 года, расшифровала эту формулу, т.е. тактику углановцев новейшего образца. ХАХАРЕВ сообщил, что виделся с УГЛАНОВЫМ (разговор был у меня на квартире с глаза на глаз), что он собирается снова к нему пойти (я его предостерегал быть максимально осторожным). ХАХАРЕВ сказал, что УГЛАНОВ, являющийся наравне с БУХАРИНЫМ, РЫКОВЫМ, ТОМСКИМ, членом нелегального центра правых, видит основное зло в СТАЛИНЕ, что весь вопрос в СТАЛИНЕ, а не в платформах, что УГЛАНОВ "стал на путь признания террора". ХАХАРЕВА я больше после этого не видел. Я уехал в Сталинск. Вначале я с трудом привыкал к мысли о терроре. Узнав, однако, об аресте участников указанной нелегальной конференции, об аресте близкого мне ИДЕЛЬСОНА, о заключении их в тюрьму, я начал проникаться все большей и большей ненавистью к СТАЛИНУ, считая его основным виновником всех ударов, направленных против правых. Я посвятил в свои настроения ГОЛЬДЕНБЕРГА, однако практических и технических шагов к совершению терактов - я не предпринимал.

Вопрос: Вы уклоняетесь от дачи правдивых показаний о своей конкретной практической террористической деятельности. Вы, также, явно скрываете известные Вам факты террористической деятельности других участников организации правых, с которыми Вы были связаны.

Это, как видно, объясняется Вашим стремлением скрыть от следствия наиболее тяжкие Ваши преступления - подготовку террористических актов.

Намерены ли Вы до конца дать правдивые показания?

Ответ: - Я буду говорить всю правду, как бы она ни была тяжела и ужасна. Упоминаемое мною сообщение ХАХАРЕВА о терроре (в конце 1932 г. в Москве) о том, что УГЛАНОВ "стал на путь признания террора", нужно было понять как директиву центра правых о подготовке террористических актов, которую мне и ГОЛЬДЕНБЕРГУ надлежало принять к практическому исполнению. При этой же встрече ХАХАРЕВ мне прямо сказал, что УГЛАНОВ и БУХАРИН возлагают в этом вопросе на меня и ГОЛЬДЕНБЕРГА определенные надежды, имея ввиду частые приезды в Сталинск на площадку (Кузнецктрой) членов Политбюро ЦК ВКП/б/.

Вопрос: Встречался ли ХАХАРЕВ с БУХАРИНЫМ перед этим разговором с Вами?

Ответ: - Мне это неизвестно. Точно знаю, что ХАХАРЕВ незадолго до указанной мной с ним встречи в конце 1932 года в Москве, виделся и имел продолжительный разговор с УГЛАНОВЫМ. Я думаю, что директиву о подготовке тер. актов в Сталинске, ХАХАРЕВУ дал УГЛАНОВ от своего и БУХАРИНА имени. Поскольку ХАХАРЕВ мне ничего не сказал о личной встрече с БУХАРИНЫМ, я склонен думать, что с БУХАРИНЫМ, непосредственно, он - ХАХАРЕВ не говорил.

Передавая мне директиву о подготовке тер. актов в Сталинске, ХАХАРЕВ, зная о том, что лично с УГЛАНОВЫМ я связан не был, особо подчеркнул, что это указание исходит не только от УГЛАНОВА, но и от БУХАРИНА, вероятно имея при этом ввиду мою близкую связь с БУХАРИНЫМ.

Значительно позже, в 1935 году я получил подтвержде-
ние террористических установок центра правых из уст самого
БУХАРИНА.

Вопрос: Приняли ли Вы и ГОЛЬДЕНБЕРГ к исполнению ди-
рективу УГЛАНОВА и БУХАРИНА (переданную Вам через ХАХАРЕВА
в 1932 г.) о практической подготовке в Сталинске террори-
стических актов против руководителей ВКП/б/ и сов. правитель-
ства?

Ответ:- Как члены контрреволюционной организации пра-
вых, мы эту директиву нелегального центра, пусть нехотя, но
всеже приняли к исполнению.

Вопрос: Что значит Вы "нехотя" приняли к исполнению
указание центра правых о подготовке терактов?

Ответ:- Не стремясь в какой-либо мере уменьшить тя-
жесть совершенных мною преступлений, я должен, однако, зая-
вить, что это прямое поручение, мне и ГОЛЬДЕНБЕРГУ, начать
подготовку убийства ожидаемых на Кузнецкстрое членов полит-
бюро ЦК ВКП/б/,- вызвало у нас некоторую растерянность и
страх за последствия. Однако, ХАХАРЕВУ, я заявил, что указа-
ние центра о подготовке терактов я принимаю к исполнению.

Вопрос: Что практически было сделано Вами, ГОЛЬДЕНБЕР-
ГОМ и др. участниками Вашей группы в осуществление задания
центра правых о подготовке в Сталинске терактов против руко-
водителей ВКП/б/ и сов. правительства?

Ответ:- Я лично имел ввиду использовать в качестве фи-
зического исполнителя теракта активного участника контррево-

люционной троцкистско-зиновьевской группы в Сталинске - НАРЫКОВА. Я остановил свое внимание именно на НАРЫКОВЕ потому, что знал его как весьма озлобленно-настроенного против руководства партии и, учитывая его горячность и решительность, - считал его наиболее подходящей кандидатурой для совершения террористического акта.

Я его систематически обрабатывал и подготовлял к выполнению этой миссии, однако, в прямой форме перед ним вопроса никогда не ставил. НАРЫКОВ был горячим сторонником террора и я уверен, что он согласился бы взять на себя непосредственное совершение террористического акта.

ГОЛЬДЕНБЕРГ в этом же направлении вел обработку работника Отдела Кадров ЛЕСКОВА. ЛЕСКОВ - зиновьевец, прибыл в Сталинск, кажется, в 1930 году из Ленинграда, 28-30 лет, в 1933 году за должностные преступления был исключен из партии и снят с работы. ЛЕСКОВ дружил с ХАХАРЕВЫМ и ТАРАСОВЫМ.

ХАХАРЕВ мне неоднократно говорил, что его друг НЕСТЕРЕНКО активный участник нашей нелегальной группы контрреволюционной организации правых, - способен лично совершить террористический акт против руководителей ВКП/б/.

На этом и ограничилась моя, и насколько мне известно и ГОЛЬДЕНБЕРГА, террористическая деятельность. Никаких других практических шагов к подготовке тер. актов против руководителей ВКП/б/ и Сов. правительства я не предпринимал.

Вопрос: Вы показали, что в 1935 году, непосредственно, БУХАРИН Вам подтвердил террористические установки центра правых.

Что Вы можете по этому вопросу показать?

Ответ:- В 1935 году в августе или сентябре месяце БУХАРИН приезжал в Сталинск. Он в это время находился в отпуску, ездил на Алтай (курорт "Чамал") на охоту. На обратном пути из Новосибирска он специально приехал в Сталинск посмотреть завод. В Сталинск БУХАРИН приехал в отдельном вагоне с женой и в сопровождении нескольких других лиц. Я имел с ним встречу в его вагоне. Хотя обстановка и не позволяла нам вести откровенные разговоры (ввиду нахождения в вагоне посторонних лиц), однако, нам все же удалось поговорить наедине по вопросам, касающимся борьбы правых против ВКП/б/. Именно во время этого разговора БУХАРИН совершенно не двусмысленно дал мне понять, что в борьбе с ЦК ВКП/б/ правые должны идти на организацию индивидуальных террористических актов, что без "устранения СТАЛИНА любым путем" - никакого изменения в общей внутренней и международной политике ВКП/б/ ожидать нечего. Во время этого разговора БУХАРИН, рассказывая о своих личных впечатлениях от бесед с ЛАВАЛЕМ и ЭРРИО, приезжавшими в СССР, очень ярко обрисовал различие внешней политики, в отношении СССР, этих деятелей. При этом он сказал, что во Франции смена политики проводится мирно, парламентским путем, "не то, что у нас, где смена означает устранение и при том не одного, а многих".

Вскоре после этого, во время повторной проверки

партдокументов, я был исключен из ВКП/б/. В связи с этим 2/XI-1935 г. я уехал из Сталинска.

В ожидании нового назначения я жил в Москве, встречался с приехавшим туда в командировку ГОЛЬДЕНБЕРГОМ, имел с ним беседу об итогах 7-го конгресса Коминтерна. Я ему заявил, что 7-й конгресс означает полную победу политических установок примиренцев 1928-1929 г.г., по всем решительно пунктам. Он против этого не возражал и заявил мне, что такова же точка зрения БУХАРИНА, которого он лично видел в конце 1935 года. ГОЛЬДЕНБЕРГ мне сказал, что БУХАРИН очень напуган, расстроен и ожидает удара против себя.

В конце февраля месяца я уехал на Балхаш. 6-го марта 1936 года я начал работать на Балхашстрое в качестве начальника планово-производственного отдела и проработал там вплоть до 6-го января 1937 года, т.е. до дня моего ареста.

Вопрос: Во время этого Вашего приезда в Москву виделись ли Вы с БУХАРИНЫМ?

Ответ:- Нет. Я не добивался встречи с БУХАРИНЫМ в связи с указанным сообщением ГОЛЬДЕНБЕРГА о том, что БУХАРИН ожидает удара против себя. Я счел более целесообразным, в этот приезд не встречаться с БУХАРИНЫМ, т.к. считал, что встреча его со мной, как исключенным из партии, может его скомпрометировать.

Вопрос: Дайте показания о Вашей контрреволюционной деятельности на Прибалхашстрое.

Ответ:- Я должен с самого начала заявить, что и на Прибалхашстрое я активно занимался контрреволюционным вредни-

тельством и за сравнительно короткий срок моей там работы, нанес строительству огромный вред.

На Балхаше я специальных вербовок для контрреволюционной вредительской деятельности не производил; во-первых потому, что ввиду непродолжительного моего там пребывания (на площадке я всего пробыл 6 месяцев, остальное время в Москве и Зап. Сибири) я для этого еще недостаточно изучил людей, а во-вторых и, главным образом, потому что мое служебное положение (начальник планово-производственного отдела) и без того открывало передо мною широкие возможности контрреволюционного вредительства на этом строительстве.

По этому вопросу, на следующем допросе я дам более подробные показания.

Протокол допроса записан с моих слов верно и мною прочитан. -

Допрос прерывается.

ГРОЛЬМАН.

ДОПРОСИЛИ: НАРКОМВНУДЕЛ КССР - КОМИССАР ГОС. БЕЗОПАСН. 2 РАНГА - (ЗАЛИН)

ЗАМ. НАРКОМВНУДЕЛ КССР - СТ. МАЙОР ГОСУДАР. БЕЗОПАСНОСТИ - (АНДРЕЕВ).

В е р н о:

СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР 8 ОТДЕЛА ГУГБ - ЛЕЙТЕНАНТ ГОСУДАР. БЕЗОПАСНОСТИ:

(ГОЛАНСКИЙ)